

Доклад заместителя председателя Миссионерского отдела Московского Патриархата игумена Филиппа (Симонова) "Европейская модель экономического развития: участие народов Белоруссии, России, Украины и Молдавии в ее разработке"

1. Проблемы экономической интеграции

1. Формирование новой экономической модели. В настоящее время мировое хозяйство переходит к модели экономического развития, предусматривающей формирование единого мирового научно-технологического пространства и закрепление специализации за отдельными странами в рамках рынка высокотехнологичной продукции.

Мировой экономический кризис обусловил новый этап в развитии внешнеэкономических отношений государств:

- кардинально трансформируется система глобальных экономических и финансовых связей,
- в условиях падения спроса на мировых рынках обостряется конкурентная борьба,
- меняются приоритеты и направления международного сотрудничества,
- усиливается государственная поддержка национальной экономики в целях сохранения и усиления ее роли в системе международных экономических связей.

2. Система экономических рисков для национальных экономик. Это заставляет предъявлять повышенное внимание к рискам, связанным с зависимостью от других стран в технологической и финансовой сфере.

Среди этих рисков – существенное запаздывание технологического развития стран СНГ, особенно явное в инновационной сфере.

Это запаздывание стимулируется отсутствием спроса на высокотехнологичную, прежде всего инновационную продукцию. В данном случае наш внутренний рынок оказывает на производственную сферу дестимулирующее влияние, которое не компенсируется и государством: государство не создает систему устойчивого спроса на результаты инновационной деятельности.

Относительно высокие показатели внешнеторгового оборота, и в особенности негативные показатели торгового баланса свидетельствуют не столько о высокой степени открытости

национальных экономик, сколько отражают нежелательно высокую зависимость от внешнего рынка: в нарастающих объемах вывозятся сырьевые ресурсы, а ввозится готовая промышленная продукция.

С особой остротой встает проблема решения базовых задач экономического роста. Без существенного развития производства и экспорта наукоемкой продукции наши государства в перспективе могут оказаться перед труднопреодолимым «технологическим барьером развития», надолго закрепляющим технологическую зависимость от стран-лидеров инновационного развития. При сохранении такого положения не может быть обеспечено не только достойное место в мировой экономике, но и сохранение ведущих позиций отечественных товаропроизводителей на внутренних рынках.

Требуется первоочередного решения задача стимулирования национальных экономик не через импорт, а через развитие импортзамещения и экспортной ориентации производящих отраслей национальных экономик.

3. Интеграционный вызов. Еще одна проблема, которая стоит перед всеми странами, находящимися в поисках своего места в новой европейской системе – это проблема развития интеграционных процессов. Европа развивает механизмы экономической интеграции, начиная с 1957 г., эта интеграция стала здесь реальностью настолько, что дает ныне основы для политических интеграционных процессов. В эту новую Европу, как высокоинтегрированную политико-экономическую систему, можно реально войти *только в качестве интегрированной подсистемы*. Практика последних лет показывает, что все межстрановые проблемы нужно решить заранее: единой Европе они могут оказаться просто непонятны.

Решение проблем, связанных с восстановлением и укреплением межстрановой экономической интеграции и кооперации во многом зависит от выравнивания уровней экономического развития в наших странах. Причем существенным осложнением процесса становится «догоняющее развитие» в отношении промышленно развитых государств Европы, на которое мы, к сожалению, обречены по крайней мере в краткосрочной перспективе. Но только с решением задачи восстановления во многом утраченных производственно-кооперационных связей можно пытаться войти в объединенную Европу в координатах равноправного партнерства, а не только в качестве поставщика сырья и трудовых ресурсов.

* * *

Особенности современного мирового экономического кризиса в существенной мере осложняют решение перечисленных проблем.

2. Особенности современного кризиса и их воздействие на интеграционный процесс

Папа Бенедикт XVI в энциклике *Caritas in veritate* в качестве главной причины современного кризиса указывает на алчность и эгоизм.

До некоторой степени с ним нельзя не согласиться. Одна из причин современного кризиса – действительно искусственное стимулирование завышенного потребления в целях максимизации прибылей незначительной части общества.

Конечно, текущий кризис следует рассматривать как кризис перекапитализации рынка;

как кризис всей системы денежного предложения и производительного использования денег в экономике;

как крах современной мировой валютно-кредитной системы, основанной на принципах Бреттон-Вудса и Кингстона (отсюда – справедливая постановка Парижем в октябре 2008 г. вопроса о новой конференции касательно системы регулирования мировой валютной системы).

Но дело существенно шире.

Это – кризис «инфляционной модели» экономического развития, приведшей к гипертрофии «виртуальной экономики».

Это – и кризис социальной модели, модели «общества потребления», охватывавшей главным образом развитые страны и развивавшееся в существенной степени за счет стран, которые принято называть «бедным югом».

Вокруг текущего кризиса сразу развернулись «умные разговоры» (при этом сразу же забытыми оказались и «посткапитализм», и «постиндустриальное общество» и проч.): капитализм-де это экономика рисков, эти риски берутся на себя добровольно и т.д. Пока шли эти дебаты, выяснилось, что за счет рисков, например, которые взяли на себя государство США и налогоплательщики, руководство фирм, получивших государственные субсидии, выплатило себе премиальные.

Меры по выходу из кризиса и дальнейшему экономическому росту, которые обсуждаются в настоящее время в политических и финансовых кругах, предполагают, как представляется, простую репродукцию существовавшей ранее модели на обозримую перспективу.

Устойчивость финансовых рынков, обеспечение их жестко регулируемого развития, вопросы резервных валют, дальнейшей либерализации товарных и денежных потоков – все эти меры, как видится, замкнуты на существующий экономический цикл и место в нем отдельного человека только как на индивидуального производителя товаров и услуг.

Экономический процесс вместо того, чтобы стать фактором, объединяющим народы, превращается в фактор социальной деструкции.

Человек перестает быть «существом общественным» (как его воспринимал еще Аристотель, а за ним – и христианские богословы, начиная с Немезия Эмесского).

Современные формы хозяйственной деятельности не только еще более способствуют этому, но даже генерируют дезинтеграционные тенденции в обществе.

Кризис показал, что:

- 1) нет оптимальной модели экономического роста, годной для всех времен и народов;
- 2) нет заранее утвержденных идеологически и пригодных для всех методов и инструментов выхода из кризиса, все они появляются ситуативно (поэтому, например, Г. Полсон вполне по-марксистски заявил в ноябре 2008 г., что именно реальный сектор обеспечивает возможность кредитования финансовой системой, поэтому финансовая система не должна развиваться в ущерб реальной экономике); тем более нельзя считать абсолютным инструментом только монетаристский арсенал, который и спровоцировал текущий кризис.

В то же время современное общество решение стоящих перед ним проблем видит в постоянном репродуцировании одной и той же модели, определенным образом совершенствуемой и модифицируемой.

Взгляд на мир современного общества – это движение к некоему процветанию, точного определения которого нет, но есть предположения, что «процветающее» материально общество – совсем по-марксистски, в соответствии с постулатом «бытие определяет сознание», – приведет к исчезновению материальных проблем и явлению миру нового человека, удовлетворившего свои потребности, а потому – имеющего только положительные социальные характеристики.

Эта модель приводит к временному материальному процветанию, но не дает никаких гарантий того, что это процветание будет носить сколько-нибудь длительный характер и не будет постоянно

воспроизводить тектонические движения внутри общества, временно возвышающие один его слой и повергающий в бедствия другой.

При этом *вся тектоника социальных процессов связана обычно со средним классом, и обычно она имеет понижающее направление*. Полярные слои общества (наиболее богатые и наиболее бедные) в ходе экономического роста не претерпевают существенных социальных сдвигов.

В то же время сущность самого процветания и его социальные последствия (от нарастания индивидуализма и десоциализации общества – до полного набора антисоциальных явлений, которые сопровождают современную жизнь) интересуют в процессе принятия решений гораздо меньше, чем его ограниченные во времени – от кризиса до кризиса – внешние атрибуты (развитие «экономики потребления», видимость общественного материального благополучия и т.д.).

3. Некоторые особенности современной европейской цивилизации

Особенности современной европейской цивилизации с позиций теории религии определил автор теории цивилизаций Арнольд Тойнби – практически наш современник, принадлежавший к редкой ныне категории светских христианских религиозных мыслителей.

Смысл его послышки прост: не существует единого феномена христианской цивилизации. Тойнби выделил «по критерию религии» по меньшей мере два варианта христианских цивилизаций: западно-христианский и восточно-христианский (православный), «в высшей степени непохожий на средневековое западное христианство».

При этом отношение Тойнби к западной цивилизации как к цивилизации христианской оказалось весьма скептическим. «Наше собственное имя умерло для нас самих, а вместо него мы стали употреблять частные имена отдельных национальностей, что произошло к началу так называемого нового периода истории, когда влияние нашего общества на другие стало постоянным и устойчивым. *Исторический факт забвения собственного имени – характерная черта нашего микрокосма. ...* Со времен Реформации религиозная лояльность стала не только основным мотивом разнообразных социальных, политических, экономических и культурных движений, но и признаком дифференциации. Поэтому, видимо, *целесообразней опустить слово “христианство” и говорить о “Западе”, “западном мире” или “западном обществе”*. Это географическое название, лишенное каких-либо оттенков, может без заметных натяжек служить адекватным определением как современного нам общества, так и общества времен Карла Великого»[1].

Нельзя отказать ее автору в логике и точном знании предмета. Для этого не надо обращаться к делам давно минувших дней – например, к атеистическим идеалам Великой Французской революции. Достаточно вспомнить совсем недавние битвы по поводу упоминания Бога и

христианства в европейской конституции, столь волновавшие остатки христианского сознания в странах Евросоюза, или совсем недавний запрет на христианские рождественские символы в Англии.

О полной утрате религиозного сознания в западной цивилизации говорят и *попытки ликвидировать христианство, растворив его в формальной демократии и гражданском обществе*[2]:

- преимущественная реализация потенциала протестантской ветви западной цивилизации с навязыванием ее образа мировосприятия всему обществу[3]; а именно эта ветвь ныне – максимально секуляризована или максимально готова в полной секуляризации;
- включение в ЕС части православной цивилизации (Греция, Кипр) с навязыванием ей собственных представлений о религиозной жизни, включая попытки решать сугубо религиозные вопросы на уровне институций демократического общества (например, попытка решить вопрос о допуске женщин на Афон принудительным способом через решение Европарламента);
- попытка включить в ЕС часть мусульманского мира (Турция и турецкая часть Кипра) не на принципах цивилизационного синтеза, а на основе поглощения цивилизации («путая унификацию с единством»[4]);
- реализация ассимилирующего потенциала западной цивилизации в глобальном масштабе (о чем, кстати, неустанно писал Тойнби все послевоенные годы).

Тойнби, несомненно, прав: *современная западная цивилизация – цивилизация секулярная*, причем секулярная настолько, что предпочитает (и чем далее во времени – тем больше и больше) совершенно изгладить из памяти свои христианские корни.

4. Проблема религиозно-культурной интеграции

Данная тема представляет для нас сугубый интерес, однако за неимением времени остановимся лишь на нескольких моментах.

Социологическая информация свидетельствует о том, что национальные культуры наших стран стремительно утрачивают свои религиозные основы. Религиозность общества перестает быть привычной, она становится явлением экстраординарным (т.е. возникает только в определенных обстоятельствах) и экзотическим.

Даже для тех, кто уверенно самоопределяется в качестве православных, проявления обыденной, житейской религиозности свойственны в очень ограниченных сферах[5].

Восстановлению религиозного потенциала общества существенно препятствует агрессивное внешнее секулярное окружение, противопоставляющее христианскому мировоззрению весьма широкий дестимулирующий потенциал, начиная от сфер культуры и искусства и заканчивая сферой экономики и политики[6].

Интересное определение секуляризма дал еще в конце 40-х гг. о. А. Шмеман: «Секуляризм не есть отрицание Бога, но ... отрицание святости и полноты, отрицание священства как образа жизни. Секулярная идея в том, что религия необходима всем, *поскольку помогает поддерживать закон и порядок, утешает нас и т.п.* ... Христианство начинает клониться к упадку, как только идея нашего горнего восхождения в Воскресении Христа ... начинает замещаться идеей Его нисхождения долу. И именно здесь мы пребываем ныне: замещение, постоянное низведение Его в повседневную жизнь, *что, как мы утверждаем, разрешит все наши социальные проблемы*»[7].

И вот общество ожидает и даже требует от Церкви только такой активности, которую оно может себе вообразить, оставаясь в системе координат секулярного мышления. Для истории Русской Церкви это не новость – еще Петр I никак не мог понять, для чего нужны в Церкви монахи, и дело закончилось тем, что при монастырях обязали организовать приюты для солдат-ветеранов и богадельни. Возможно, это было большим благом для солдат-инвалидов, но для Церкви эта история закончилась совершенным упадком монашества, который продолжался вплоть до второй половины XIX века.

Однако Петр, все-таки, был человеком, религии не чуждым, – в юности он пел на клиросе, да и в зрелости церковные проблемы его весьма глубоко занимали; правда, решение их он видел в стиле, совершенно чуждом православию.

Ныне ситуация иная – и не только в «верхах», но и в самом обществе. Оно ожидает от Церкви, прежде всего, не проповеди Христа, а социальной активности (рабочих мест, призрения нетрудоспособных и т.п.), сопровождаемой требоисполнением, которое трактуется как предоставление «религиозных услуг».

Церковь понимается как общественная организация с уклоном в благотворительность, что-то вроде «фонда Сороса», задача которого – мобилизовать (в основном, через систему добровольных пожертвований) определенные материальные ресурсы и обеспечить их перераспределение в пользу некоторой части общества.

В то же время для значительной части общества православное христианство (пусть без полного осознания его догматических и экклезиологических основ) остается одним из значимых признаков не столько даже религиозного, сколько национального самоопределения.

Надо думать, что эта категория лиц (а в России, например, их, по последним опросам, не менее 72-73%) вряд ли готова войти в новую европейскую модель экономического развития, утратив этот признак самоопределения.

Со своей стороны, с учетом сформулированных выше замечаний, приходится констатировать, что новая Европа далеко не готова поставить религиозное самоопределение в ряду высших символов своего единства (что показал, в частности, пример Сербии).

Почему именно этот вопрос так занимает наше внимание?

Прежде всего – потому, что базовый постулат формирования современной европейской экономической модели – это постулат социальный: новая Европа интегрирует себя в рамках гражданского общества как базовой политической основы.

Но гражданское общество – *понятие, относящееся более к хозяйственно-культурной, чем к строго юридической сфере*. Изначально это – система, скрепленная не только общим гражданством и вытекающими из этого правами, но и *общей системой ценностей* (к ней, в частности, относились примат общественной полезности[8] и «установленный религиозный культ» – «как одна из функций жизнедеятельности гражданского коллектива, республики»[9], – обеспечению которого содействовала «священная земля» государства[10]; эта позиция логически завершается стоическим воззрением о том, что «мир – это общая республика людей и богов»[11]).

Оно погибало, когда эти ценности размывались инородными включениями, что приводило не только к потере экономических основ, но и общей ценностной базы, единой культурной основы общества, к прекращению существования гражданского коллектива[12]. И подмена общей системы ценностей (в том числе, экономических и религиозных) юридическим понятием гражданства этот кризис никогда не решала[13]. Современный конфликт в Бельгии между фламандцами и валлонами – явный тому пример.

В этой связи можно сформулировать важный вопрос: *в чем состоит смысл современной европейской модели? Обычная ли это для истории европоцентристская ассимиляция (об опасности которой писал еще Тойнби, а в России – Николай Яковлевич Данилевский в XIX веке и Наталья Андреевна Нарочницкая – совсем недавно)? Или же это – реальная интеграция, осуществляемая во взаимодействии равноправных культурно-экономических субстратов?*

От ответа на этот основополагающий вопрос напрямую зависит реальное место народов наших стран в той политико-экономической системе, которая формируется в настоящее время на Европейском континенте.

[1] *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1996. С. 28 (курсив наш. – *Авт.*).

[2] См. подробнее: *Симонов В.В.* Христианская цивилизация: система основных ценностей, формы организация знания, культурная и социальная реализация, прогноз. Мировой опыт и российская ситуация // Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация. Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007.

[3] «Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики. Среди англоязычных протестантов до сих пор можно встретить “фундаменталистов”, продолжающих верить в то, что они избранныки Господни в том, самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом завете» (*Тойнби А.* Постижение истории. С. 80).

[4] *Тойнби А.* Постижение истории. С. 68.

[5] См. подробнее на материалах социологического опроса, проведенного в 1 кв. 2009 г.: *Simonow W.* Religion und Religiosität in Russland: “Da stand die Sonne still und der Mond blieb stehen” // Osteuropa. Berlin, 2009. Hft. 6.

[6] См. подробнее: *Симонов В.В.* Церковь – общество – хозяйство. М., 2005.

[7] *Шмеман А., протопресв.* Жертва и богослужение // *Шмеман А., протопресв.* Собр. статей (1947-1983). М., 2009. С. 283.

[8] «Сообщество полиса держалось на непрременном восхищении любым общественно-полезным деянием граждан, отвечающим коллективным нравственным нормам (добродетели гражданские и нравственные» (*Шпидлик Ф.* Духовная традиция восточного христианства: Систематическое изложение. М., 2000. С. 335).

[9] *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 162; ср.: Там же. С. 90.

[10] *Aristot. Polit.* 1267b, 1320a/423, 578. Латинская эпитафия дает некоторую аналогию «священной земли» в виде *ager religiosum* с не вполне ясными функциями (см.: *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. С. 219).

[11] *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. С. 144.

[12] Там же. С. 214.

[13] См. подробнее: *Симонов В.В.* Проблемы гражданского общества // *Гражданское общество: общественный контроль и социальная ответственность бизнеса: Материалы международного круглого стола* (Москва, 26 мая 2006 г.). Доклады Ин-та Европы. М., 2006. № 183.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/58265/>